

Татьяна Иванова

Татьянины рассказы

Обо всем помаленьку

Татьяна Иванова

**Татьянины рассказы.
Обо всем помаленьку**

«Издательские решения»

Иванова Т. И.

Татьянины рассказы. Обо всем помаленьку / Т. И. Иванова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908340-1

Эссе и публицистика разных лет, основанные на реальных событиях, а также
детские рассказы по мотивам жизни автора и членов ее семьи.

ISBN 978-5-44-908340-1

© Иванова Т. И.
© Издательские решения

Содержание

Спасибо тебе, добрый человек!	6
Прости меня, мама!	8
А счастье рождается тихо	9
Пожарный император	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Татьянины рассказы Обо всем помаленьку

Татьяна Ивановна Иванова

© Татьяна Ивановна Иванова, 2018

ISBN 978-5-4490-8340-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спасибо тебе, добрый человек!

«Жизнь – интересная штука!» – так думала маленькая косуля, когда в компании мамы и других близких родственников путешествовала по родным Петропавловским землям. Ей было все в новинку: и эти густые непролазные кусты, и высокие деревья с густой зеленой листвой, и неглубокая речушка с крутыми скользкими берегами.

– Вот это растение можно кушать, – учила ее мама, и маленькая косуля бережно срывала губами сочные травинки и, жмурясь от наслаждения, медленно вкушала ароматную пищу.

– Вот здесь лучше подойти к воде, – показывала мама, и маленькая косуля, скользя копытцами, аккуратно подбиралась к живительной влаге.

– Никогда не отходи от меня далеко, – предостерегала мама, – у нас, косуль, очень много врагов на земле: и хищные звери, и самый опасный враг – ЧЕЛОВЕК! Любой, любой из них может нас обидеть.

И при этих словах небольшое грациозное тело мамы немного дрожало, наверное, от страха. Маленькая косуля не совсем понимала, чего боится ее всегда такая смелая и опытная мама. Сама она никогда не видела ни хищных зверей, ни человека, и пока еще ничего не боялась.

В этих бесконечных передвижениях неожиданно для себя маленькая косуля отметила, что в природе вдруг что-то изменилось, листья на деревьях и кустарниках стали желтыми, сухими и невкусными, еды в лесу становилось все меньше, воздух резко похолодел, а иногда сильный ветер даже мешал ей бежать. А потом вдруг с неба посыпались белые хлопья. Много хлопьев. Очень красивые, но почему-то холодные и несъедобные. Эти хлопья быстро устилали землю, прикрывая собой последние остатки увядающих растений. Маленькая косуля ничего не понимала.

– Что такое? Что случилось? – пыталась спросить она у мамы, но та лишь отмахивалась и все меньше и меньше объясняла ей что-либо. Почему-то все косули стали пугливыми и быстрыми, они все время от чего-то убегали, от любого шороха и постороннего звука. Маленькая косуля не всегда успевала за ними, и оттого становилась рассеянной и бояливой. А однажды она и вовсе отбилась от своей небольшой группы...

Одной было страшно. Очень-очень страшно. В голове то и дело всплывали картинки из маминих рассказов о диких зверях и каком-то непонятном и страшном чудовище – ЧЕЛОВЕКЕ. Маленькая косуля медленно бродила по белоснежным просторам и со слезами тихонько звала:

– Мама! Мама!

Но мама не появлялась, видимо, она не слышала робкий голосок своей маленькой потерявшейся дочки.

А в один далеко не прекрасный день раздались эти страшные шум, непонятные звуки и грохот. Маленькая косуля сначала замерла от ужаса, а потом... побежала. Так учила ее мама: во время опасности надо быстро-быстро бежать. И она бежала и бежала навстречу неизвестности, она бежала так быстро, как никогда в жизни. Ее легкое тело словно парило над землей, и ни на секунду не могло остановиться, а страшный шум почему-то приближался и никак не хотел исчезать, а потом раздался громкий свист, и маленькая косуля ощутила резкую боль в задних ногах. Было очень больно, слезы текли по щекам маленького животного, но косуля продолжала бежать, не останавливаясь. Через боль, через застилающие глаза слезы. Она подспудно понимала, что останавливаться нельзя. И она бежала, бежала, бежала... А силы ее уходили и уходили. За спиной уже не было слышно страшных звуков, маленькая косуля не ощущала боли, но видеть и слышать становилось все трудней и трудней. А потом сознание и вовсе стало растворяться, и маленькая косуля ушла в небытие.

Очнулась она в полной тишине в каких-то колючих кустах. Боль в ногах была столь сильна, что хотелось рыдать. Но маленькая косуля лишь молча сжимала зубы, боясь произнести хотя бы звук. Ведь жить так хотелось. Она была еще слишком юна. Она еще так мало видела в жизни. Неужели ей суждено умереть?

Потихоньку маленькая косуля начала выбираться из зарослей. Бежать она не могла, ей и идти было трудно, но все-таки она передвигалась. Она чувствовала, что надо двигаться. В ее небольшом тельце теплилась слабая надежда, что так ее найдет или мама, или кто-нибудь из родственников. Ну, хоть кто-нибудь. И поможет ей. Она верила, верила в это...

Неожиданно маленькая косуля услышала лай какого-то непонятного животного. Она сжалась от страха, но убежать уже не могла, задние ноги ее едва тащились по земле. Маленькая косуля в отчаянье остановилась, закрыла глаза и приготовилась к смерти...

– Ах, ты бедолага, – услышанный ею голос был тихим и ласковым. Маленькая косуля подняла веки. Недалеко бегал, повизгивая, зверек, которого мама когда-то называла в своих рассказах собакой, а еще над нею склонилось огромное существо на двух ногах, совсем непохожее ни на собаку, ни на нее, ни на ее маму, ни даже на всех виденных ранее животных. Ужас охватил несчастную. Она поняла, что это был он, ЧЕЛОВЕК! Тот самый страшный зверь на земле, о котором так много говорила мама. Но... странное дело – этот стоящий рядом человек совсем не был страшным. Наоборот, он казался милым и сердечным. Маленькая косуля отчетливо видела его бесконечно добрые глаза и улыбку, и доверилась ему полностью...

...Больше двух месяцев Сергей Иванович выхаживал найденную им крохотную раненую косулю. Он и сам – охотник со стажем, но знает, когда надо охотиться и на кого надо охотиться, и никогда в жизни не смог бы пустить пулю в маленькое беззащитное животное.

– Вот изверги, – шептал он, перевязывая больные ноги косуле, – как можно было стрелять в такую малышку? Ну, ничего, ничего, мы тебя вылечим.

И маленькая косуля верила этому огромному человеку, и благодарно прижималась к его ногам. Она с удовольствием пила молоко из его рук, ела хлеб, овес, сено, и вся эта пища казалась ей необыкновенно вкусной. А ножки потихоньку переставали болеть. Сначала маленькая косуля начала делать первые слабые шажки по дому, а потом уже и бегать по двору своего спасителя.

Ей так нравился этот большой человек, он был почти как ее мама, таким же заботливым и ласковым. Но маленькая косуля все же скучала по своей маме. Ей так хотелось увидеть ее и рассказать ей обо всем: о своем ранении, о неожиданном спасителе и, самое главное, о том, что не каждый человек плохой, а бывают иногда и очень хорошие добрые люди.

А Сергей Иванович словно догадывался об этих мыслях своей подопечной, и, лишь та поправилась и окрепла, выпустил ее на волю.

– До свиданья, – с улыбкой сказал он на прощание своей маленькой пациентке, – беги с Богом! Ищи свою маму.

– До свиданья, до свиданья, – глазами ответила ему маленькая косуля, взбираясь на высокий склон, – до свиданья! И спасибо тебе, добрый человек!

Прости меня, мама!

Когда мама жива, мы не задумываемся о том, что когда-нибудь ее может не стать. Не задумывался об этом и Трезор. Он просто бегал, наслаждался жизнью, шалил и иногда немного огорчал этим маму Багиру. Та подходила, благодушно трепала его зубами за холку, потом отходила в сторонку и наблюдала дальше. Она любила своего малыша и частенько думала: «А ведь красив, озорник! И в кого он такой?»

Трезор и вправду рос красавцем. Хотя породы в нем особой не наблюдалось, но он был рослым, с крепкими лапами, с крупной, хотя и наивной, мордочкой, на которой всегда весело светились его ясные, лучистые глаза.

И казалось, что жизнь была подарена щенку только для радости и удовольствия. Да и Багира была спокойной и уверенной в завтрашнем дне. Она мечтала о том, как Трезор вырастет большим смелым псом, как найдет себе добрую лохматую подружку, и как, когда-нибудь, они подарят ей, Багире, маленьких внучат, таких же шумных и веселых, как ее сынок. Она мечтала о хорошем. Мечтала, как мечтают все мамы на свете.

Разве кто-то ждет смерти? Она настигает нас неожиданно, в тот момент, когда она совершенно не нужна. Да и нужна ли она когда-нибудь, эта смерть?

...Осень пришла в наши края поздно. Долго-долго в воздухе пахло теплой свежестью, долго деревья не хотели сбрасывать ярких праздничных убранств, и оттого на душе было полетнему светло. А в овраге, где любили гулять собаки, даже зазеленела трава. И ничто не предвещало беды. Но... она нагрянула...

...Тот одиночный выстрел прозвучал словно из ниоткуда. Багира даже не успела заметить того, кто в нее стрелял. Она просто почувствовала невыносимую боль, посмотрела в последний раз на любимого сына и... закрыла глаза. Навсегда.

– Мама, мама! – закричал Трезор. Он не совсем понял то, что произошло. Сначала он подумал, что мама с ним играет, стал весело подпрыгивать возле нее, нежно покусывать ей бок острыми зубками. Но мама не двигалась. И почему-то не открывала глаза.

– Мама! Мама! – снова закричал малыш. И вновь, и вновь скакал возле нее. Потом он подумал, что она уснула. И стал играть тише, чтобы не разбудить. А потом... потом он все понял.

Этот так сложно – осознать, принять смерть родного любимого существа. Нет таких чувств на свете, которые бы заглушили эту боль. Трезор плакал и кричал. Он то отбегал подальше и громко нутужно визжал, то снова подскакивал и, рыча, пытался растормошить уже заглодевшую собаку.

– Мама, мама, мамочка, – рыдал малыш, – ну, проснись. Я больше никогда не буду баловаться... Я больше никогда не стану тебя огорчать... Встань, мама, встань!...

Он с надеждой оглядывался по сторонам, может, ну, хотя бы кто-то, спасет его маму. Но никого не было рядом. А как позвать на помощь – он не знал. И не знал, кого ему надо звать.

– Мамочка, мамочка, не уходи, не бросай меня, – но даже ветер был холодным и неласковым, даже небо глядело понуро и серо в глаза одинокому и брошенному Трезору...

...Почти месяц щенок не отходит от мертвой Багиры. И не подпускает к ней никого. Его подкармливают сердобольные жители села. Трезор благодарно берет принесенную ему пищу, но увести себя от мертвой матери не дает. Рычит, пытается укунить. А когда остается один, садится рядом, терпеливо и добросовестно бережет покой любимой мамы. И так тихо-тихо шепчет ей иногда:

– Прости меня, мама!

А счастье рождается тихо

Судьба не дает нам указаний, не учит восприятию мира и не показывает путь. Она лишь молча наблюдает и иногда подшучивает ненароком. А человек уж сам, как сумеет, движется по отведенному ему пространству, на ходу сочиняя себе жизненные правила и мерил. И все хотят быть счастливыми, и каждому в тайне видится, что заслуживает он этого немножечко больше, чем другие.

Но каждый по-своему это чувство понимает...

Иные копят богатство. Копят, копят, копят, копят... Уже много накопили, а аппетит накопительный только усиливается. И все время хочется чего-то еще. Но «хотелок» на свете так много, что прибрать к рукам все не получается. И от этого становится плохо на душе, и получается сплошная беда, а не счастье.

Другие ищут его в любви. По-особенному ищут, вдохновенно и высокопарно. Среди далеких звезд и миров. Ну потому что если рядом, то какое же это счастье? То ли дело отыскать недостижимое для других. А судьба в этот момент возьми, да пошути: вместо принца на белом коне – конюх на хромой кобыле, вместо принцессы на горошине – баба Яга на метле. И других вариантов не предлагается.

Кто-то придумал себе, что счастье в славе и почете. И плывут, плывут к ним на воздушной лодочке по волнам преград в виде чьих-то голов и костей. И иногда доплывают. Но зачистую лодочка оказывается одноместной, и тогда однажды радость от славы и почета по вкусу начинает напоминать заплесневелую корочку хлеба. И приходит понимание, что придумка твоя была не правильной, а на другую уже не осталось ни времени, ни сил...

И раздаются со всего света крики во вселенную с мольбой о счастье. И возникают в головах причуды по имени Фэн-шуй. И вырастают очереди у кабинетов всевозможных магов и экстрасенсов. И съедается с надеждой пепел от сожженных листков с мечтами у новогодних елок...

А счастье рождается тихо. Без лишнего усердия и суетливости. Без колдовства и финансового обеспечения. Просто однажды надо остановиться и посмотреть вокруг себя. Не любопытствующим и оценивающим взглядом, а с интересом и открытой душой. И принять все вокруг таким, какое оно есть. И понять все то, что раньше казалось печально-обманчивым. И полюбить каждое мгновение и каждую частицу этого мира. И тогда солнце засветит ярче, и птицы запоют звонче, и станет хорошо и спокойно. И ты поймешь, что большего тебе не надо. Не надо метаться и искать, вопрошать и выискивать. Тебе всего хватает, всего как раз!

Пожарный император

Выйдет иной раз Иван Андреевич Кравченко во двор, оглядит с тоской свой большой красивый дом и в сердцах произнесет:

– Эх, и зачем я только на тебя пять лет силы свои тратил? Теперь хоть бери да ломай.

Просторно и одиноко ему в этом «дворце», с такой любовью построенном для жены Манечки и своего «боевого расчета» – трех озорников-сыновей. Разве думал-гадал, что уйдут от него в «мир иной» и дорогая Маня и один из ребят. А двое других, обзаведясь семьями, навсегда «улетят» из отцовского «гнезда».

Вздыхая, опустит мисочку с остатками вчерашнего обеда перед единственным теперь членом его семьи – огромным черным псом.

– Что, друг Атос, -с горькой улыбкой потреплет его за упругую шею, – будем с тобой бобылями свой век доживать...

«А ведь сколько всего позади, – подумается ему, – и дорог пройдено, и друзей нажито, а потом по жизни растерянно».

– Пол-Европы прошагал я, пол-земли, – вдруг запоёт Иван Андреевич, и перед его глазами вновь и вновь проплывут картины давних лет, нахлынут грустные и счастливые воспоминания.

...Год тридцатый. Старая Криуша. В доме Кравченко – шум, суета.

– Ой, да что же мне теперь делать-то, – причитает мать, прижимая к груди крохотного Митю, – куда ж я с такими малышами?

Только и смог понять в этой неразберихе двухлетний Ванюшка то, что высылают в далекий Казахстан деда Фиму, а вместе с ним и всю его семью: брата, сына с невесткой, внуков.

Эта, политая слезами матери, дорога стала для маленького Вани первым испытанием в жизни...

Покормив собаку, Иван Андреевич окинет хозяйским взглядом двор и, заметив на заборе оторванную штaketину, возьмется за молоток.

– И всего-то сил осталось, чтоб гвоздь забить, – усмехнется он, а ведь в былые времена...

И память вновь унесет его в те бесконечно далекие годы...

...После четырехлетней «ссылки» – опять на родной земле. Он – шестилетний мальчик. Сладко посапывая, досматривает последний утренний сон.

– А ну, вставай. Соня, – будит его дед Федор, – светать начинает, пора коров гнать.

Ваня нехотя слезает с полатей и, потирая кулачками глаза, натягивает штанишки. А потом, взяв в одну руку кусок хлеба, в другую – длинную палку, плетется за колхозным стадом. Ранки на разбитых от длительной ходьбы ногах, соприкасаясь с утренней росой, вызывают у мальчика боль. Но он уже привык терпеть ее. Не зря же дед всегда говорил: «Терпи, казак, атаманом станешь». Подпрыгивая, бежит в одну сторону, в другую, заворачивая коров, которые то и дело отбиваются от стада.

– Вот бестолочи-то, – иногда не выдерживает Ваня и, плача, опускается на землю, – за что же мне такие мучения?

Но, вдохнув пряный аромат трав, быстро успокаивается и бежит вновь выполнять свою работу...

Иван Андреевич проверит, крепко ли он прибил штaketину, потом присядет на стоящий рядом пенек и устало закроет глаза. Перед ним возникает образ матери. Черты ее лица уже не вырисовываются в памяти так четко, как это было раньше. Но даже расплывчатое прекрасное видение согревает остуженную душу.

– Все, сынок. – сказала она ему тогда, – бросай своих коров. Пора собираться в первый класс...

– Мама, мама, – поднимаясь, прошепчет Иван Андреевич, – если бы ты знала, каким спасением стали твои слова для измученного трудом ребенка.

И слегка сутулясь, побредет в дом. Здесь все так же, как было при Мане: те же шторы на окнах, те же обои, и так же зеленеют повсюду комнатные цветы. Иван Андреевич остановит взгляд на альбоме с фотографиями. А потом, в который раз, начнет медленно его перелистывать.

На этом снимке – мать: еще молодая и очень красивая. Здесь братья и сестра (мало лет ей отвела судьба: умерла в младенчестве). А вот и он сам: в том юном возрасте, когда жизнь кажется в розовом свете и все вокруг манит открывать неведомые просторы.

– Погоди-ка, – поднимет Иван Андреевич поближе к глазам один из снимков, – а ведь это Новороссийск.

В этот южный город Кравченко ездили в поисках «легкой жизни». И не нашли ее там.

«Вот тебе и скажи, что Кубань – житница нашей родины, – подумает Иван Андреевич, – за границу пароходы с продуктами „уходили“, а у нас куска хлеба не было». И он окупнется в новые воспоминания...

Вот уже весна вступает полноправной хозяйкой на новороссийскую землю. Она несет людям тепло, надежду и первую после голодной зимы пищу – щавель. Из него можно варить суп, кисель и даже печь лепешки. Горожане бегут в горы в надежде собрать немного съедобной травы. Вместе с другими – Ваня с Митей. Весь день дети ползают на четвереньках по сырой земле, выдергивая едва пробившиеся ростки щавеля...

– Мои кормилицы, – ласково встречает их вечером мать, – и что бы я без вас делала?

И аккуратно выкладывает из стареньких котомок нехитрую еду, бережно собранную братьями для семьи.

– Ох-хо-хо, – тяжело вздохнет Иван Андреевич, продолжая перелистывать страницы альбома.

– Неужто, сморчок этот – я? – улыбнется он, глядя на пожелтевшую фотографию худого болезненного мальчишки, – гляди-ка. Еле ходил от голода, а ведь пятерки из школы домой носил. За отличную учебу даже в санатории побывал в Геленджике. И ворошиловским стрелком там стал...

Из глубин памяти выплывает новая картинка...

– Ребята. – встречает ребятшек воспитательница, у нас здесь работают кружки. Можете записаться.

Выбор настолько велик. Что Ванюшка теряется.

– Ну, что ж ты, Кравченко, – потираливают его подростки, – думай скорее.

– Я хочу... в стрелки, – охрипнув от волнения, шепчет мальчик, – и... и в водолазы...

Ну, с водолазом сразу не получилось. Костюм водолазный увидел – испугался. Того и гляди, наденешь, а снять не сумеешь. Так и утонешь в нем. А вот стрелок из него вышел отличный. Иван Андреевич помнит, как это было...

– Винтовку плотно прикладываем к плечу, говорит руководитель кружка на первом занятии, – теперь нацеливаем «мушку», расположенную на конце ствола, чуть ниже центрального круга мишени. «Мушка» должна точно совпадать с прорезью прицельной планки. Теперь аккуратно нажимаем указательным пальцем на курок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.